

ФРАНЦУЗСКИЙ ЖУРНАЛИСТ О ПЕРЕМЕНАХ В СТРАНЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 10 ЛЕТ. Чем живут Франция и французы

Пьер БРИАНСОН, московский корреспондент газеты "Либерасьон"

В СЕГОДНЯШНЕМ ПАРИЖЕ в главном дворе Лувра установлена гигантская пирамида из стекла, накрывающая собой подвалы знаменитого французского музея и обеспечивающая доступ в них света. Этот двор стал излюбленным местом для воскресных семейных прогулок. Люди приходят полюбоваться на эту достопримечательность Парижа, ставшую уже такой же привычной, как Эйфелева башня, собор Парижской Богоматери или площадь Согласия.

Однако всего лишь несколько месяцев назад наши газеты яростно полемизировали по поводу проекта американского архитектора Пея. Это касалось не только эстетической стороны дела, это был не просто спор между теми, кто настаивал на неприкосновенности древнего музея Лувра, и теми, кто считал, что модернистский стиль пирамиды гармонично сочетается со старыми постройками. Речь шла и идет о более глобальной дискуссии, символичной для сегодняшней Франции: это спор между сторонниками традиционализма и поборниками модернизации страны - борьба, ведущаяся с начала 80-х гг.

Надо признать, что страсть к бесконечным спорам - будь то история, культура, экономика или политика - чисто французская черта. В полной мере это проявилось и в дискуссиях по поводу Лувра.

ФРАНЦИЯ И САМИ ФРАНЦУЗЫ на рубеже 90-х гг. - уже совсем не те, что были даже 10 лет назад. Значительные сдвиги произошли почти во всех сферах жизни.

В области политики 10 лет назад два лагеря сражались за власть: правые, которые руководили страной в течение 25 лет, и левые - социалисты и коммунисты, которые никак не могли прийти к власти и которые хотели изменить общество, национализировав крупные предприятия и банки. Идеология в тот момент еще была важна, слова же носили мифический смысл: левые превозносили "социализм", правые - "либерализм".

Сейчас, 10 лет спустя, никто уже не пытается отстаивать или тем более воплощать в жизнь идеи Утопии. В 1981 г. левые пришли к власти и на практике поняли, что их программа переустройства не приспособлена к реальным экономическим условиям. Французская компартия, которая в те времена собирала до 20% голосов избирателей, сейчас не набрала и 8%. Социалистическая же партия во главе с Франсуа Миттераном, оставшаяся не у дел в период между 1986 - 1988 гг., в прошлом году вновь пришла к власти. Но теперь это умеренная партия, политика которой мало чем отличается от политики Маргарет Тэтчер в Великобритании, Гельмута Коля в ФРГ или Фелипе Гонсалеса в Испании.

В экономическом отношении Франция 10 лет назад была в числе западных стран с наиболее сильными позициями государства и самой многочисленной бюрократией. Придя к власти в 1981 г., левые начали с того, что еще более повысили, роль государства и увеличили число государственных функционеров. В результате стали быстро нарастать экономические трудности, страна влезла в долги, а члены "Общего рынка" заметно обеспокоились - в такой системе, как ЕЭС, трудно делать глупости в одиночку. После пересмотра своей политики социалисты приступили к экономической модернизации страны. Сейчас инфляция стабилизировалась и держится на довольно низком уровне (около 3% в год), французские предприятия получают солидные прибыли, безработица начинает снижаться.

МОЖНО УТВЕРЖДАТЬ, что страна, прежде населенная сельскохозяйственными тружениками и чиновниками, за 10 лет изменилась. Бизнесмены, промышленники уже не вызывают прежнего настороженного к себе отношения только из-за того, что они получают много денег. Похоже, что все французы откликаются на вызов будущего: создать к 1992 г. Единый Европейский рынок. Экономический союз (а возможно, и нечто большее) двенадцати стран ЕЭС больше не пугает французов,

которые сегодня готовы и к контактам, и к промышленной конкуренции.

Словом, 10 лет назад французы еще жили в большой деревне под названием Франция. Они гордились сложившимися представлениями о Франции как о "стране хорошего вина, шампанского, "радостей жизни" и замков Луары". Франция была своеобразной почтовой открыткой, а французы носили береты.

Сегодня во Франции по-прежнему пьют шампанское, но главным образом стремятся его экспортировать, а мода (в том числе и духи) давно стала индустрией. Что же касается традиционных французских беретов, то их производят в Юго-Восточной Азии...

ЧУВСТВУЮ, что я несколько упростил картину: конечно, процесс эволюции был гораздо более противоречивым. Великий кризис 70-х гг. вызвал в Западной Европе массовую безработицу, которая сохраняется до сих пор. В области политики идеологическая конфронтация между правыми и левыми уступила место явлению, которое называют "интеллектуальным размягчением". Политике не хватает идей - однако везде, в любой стране всегда есть сторонники существующего порядка и сторонники реформ. Меньше чем за год французы 5 раз участвовали в национальных выборах: в президентских (в 1988 г. Миттеран избран во второй раз), в выборах депутатов, в референдуме по вопросу о будущем Новой Каледонии, в муниципальных выборах и, наконец, в выборах в Европейский парламент. Однако ни одна из этих кампаний не вызвала особого энтузиазма у избирателей.

По сути дела за 10 лет Франция в значительной степени утратила свое своеобразие, и это сблизило ее с другими крупными европейскими государствами.

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ в стране прошли две серьезные дискуссии, которые еще более обнажили борьбу между старым и новым, между обеспокоенностью и верой перед лицом будущего. Первая из дискуссий касалась вопроса об иммигрантах, вторая - Французской революции.

Во время обсуждения проблемы иммиграции дело доходило до яростных споров, в ходе которых расистская ультраправая партия требовала высылки из страны многочисленных иностранных рабочих, в частности выходцев из арабских стран Средиземноморья. В этих дискуссиях столкнулись прежде всего две противоположные общественные концепции - французской культуры, с одной стороны, и цивилизации, с другой. Одни хотят "защитить" страну от любых иностранных влияний, другие, напротив, считают, что французская культура - это слияние различных элементов, смесь, скрещение влияний и что именно в этом и заключается ее сила. Я работаю в газете, которая всегда защищала последнюю точку зрения.

Второй спор разгорелся по вопросу: как оценивать значение Французской революции, 200-летие которой, как известно, отмечается в этом году. На первый взгляд может показаться странным, что правые и левые спорят на эту тему 200 лет спустя. Одни считают, что революция была чередой кровавых ужасов. Другие - что это была славная и незапятнанная страница в истории завоевания прав человека. В этом смысле обнадеживает огромный успех книги Франсуа Фюре, лучшего специалиста по истории Французской революции, который не принадлежит ни к тому, ни к другому лагерю. По выражению Фюре, "революция закончилась", т. е. сегодня надо спокойно, без эмоций проанализировать все вопросы, связанные с этим историческим событием. В том числе и вопрос, был ли Великий террор неизбежен. Этот вопрос явно решать только французам.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ хотелось бы затронуть вопрос, который мне часто задают в Советском Союзе: "Почему Франция является одной из самых антисоветски настроенных стран?"

Думаю, этот вопрос сегодня уже отпал сам собой. Сейчас преобладающим настроением является желание лучше узнать и понять Советский Союз. Кроме того, люди, которые интересуются причиной "антисоветизма" французов, часто, осуждая эпоху застоя в СССР или даже какие-то нынешние неурядицы, используют гораздо более резкие выражения, чем самые ярые антисоветчики в моей стране...

ИЗ ДОСЬЕ

* СРЕДНЯЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ВО ФРАНЦИИ В 1988 Г. СОСТАВЛЯЛА 7500 ФРАНКОВ В МЕСЯЦ.

* ЦЕНЫ ВО ФРАНЦИИ В 1988 Г. ВЫРОСЛИ НА 3,1%. УЖЕ В ТЕЧЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ ЛЕТ РОСТ ЗАРПЛАТЫ НЕ ОБГОНЯЛ РОСТА ЦЕН.